

Texts and Translations

Tchaikovsky's Family

"Passion has cooled," op. 46, no. 5 (1880)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by COUNT ALEKSEI KONSTANTINOVICH TOLSTOY (1817-1875)

Sung by Alexey Lavrov and Antonina Chehovska

"Минула страсть"

Минула страсть, и пыл её тревожный
Уже не мучит сердца моего,
Но разлюбить тебя мне невозможно!
Всё, что не ты - так суетно, так ложно,
Всё, что не ты - бесцветно и мертво.

Без повода и права негодуя,
Уж не кипит бунтующая кровь,
Но с пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о друг, и не ревнуя,
Осталась та же прежняя любовь.

"Passion has cooled"

Passion has cooled, and its troubling fire
Has ceased to torture my heart.
But it would be impossible to stop loving you!
Everything that is not you is meaningless and false,
Everything that is not you is dreary and lifeless.

My blood no longer surges
Irrationally, without reason,
But I cannot accept the mundane dullness of life.
Thus even though I feel no jealousy, my darling,
My love remains unchanged.

Tchaikovsky's Men

"We were sitting together," op. 73, no. 1 (1893)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by DANIIL MAXIMOVICH RATGAUZ (1867-1937)

Sung by Alexey Lavrov

"Мы сидели с тобой"

Мы сидели с тобой у заснувшей реки.
С тихой песней проплыли домой рыбаки.
Солнца луч золотой за рекой догорал...
И тебе я тогда ничего не сказал.

Загрело в дали... Надвигалась гроза...

По ресницам твоим покатилась слеза...
И с безумным рыданьем к тебе я припал...
И тебе ничего, ничего не сказал.

И теперь, в эти дни, я, как прежде, один,
уж не жду ничего от грядущих годин...
В сердце жизненный звук уж давно отзвучал...
ах, зачем я тебе ничего не сказал!

"We were sitting together"

We were sitting together by the quiet river,
With a soft song the fisherman rowed his way home,
Across the river the sun's golden ray grew dimmer,
And all that time I said nothing to you.

In the distance there was the sound of thunder,
a storm approached,

On your eyelashes tears were flowing,
And bursting into wild sobs I fell at your feet,
And said nothing to you, not a word.

And now, I am just as alone as I was before,
Expecting nothing from the future,
All cries of life have been silent in my heart for so long...
Oh, why—why—did I say nothing to you—
nothing at all?

Texts and Translations

“It’s painful, it’s sweet,” op. 6, no. 3 (1869)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by EVDOKIYA PETROVNA ROSTOPCHINA (1811-1858)

Sung by Antonina Chehovska

“И больно, и сладко”

И больно, и сладко,
когда при начале любви
то сердце забьётся украдкой,
то в жилах течет лихорадка,
и больно, и сладко;
то жар запыляет в крови...
И больно, и сладко!

Пробьёт час свиданья, -
потупя предательный взор,
в волненье, в томленье незнанья
боишься, желаешь признанья, -
и в муку свиданье!

Начнёшь и прервёшь разговор...
И в муку свиданье!
Не вымолвишь слова...
Немеешь, робеешь, дрожишь;
душа, проклиная оковы,
вся в речи излиться готова...
Нет силы, нет слова,
и только глядишь и молчишь!

И сладко, и больно...
И трепет безумный затих;
и сердцу легко и раздольно...
Слова полились бы так вольно,
и сладко, и больно,
но слушать уж некому их.
И сладко, и больно,
и сладко, и больно.

“It’s painful, it’s sweet”

It is both painful and sweet
When you first fall in love,
First your heart begins to pound secretly,
Then a fever courses through your veins,
Both painful and sweet:
Now your blood is aflame—
It is painful, it is sweet!

The hour of your tryst strikes—
Lowering your gaze that gives everything away,
Excited and in torment, not being sure,
Your fear and your desire like a confession—
A rendezvous that is an agony!

You begin to speak, and then go silent...
A rendezvous that is an agony!
You begin to speak...
You’re mute, you’re bashful, you’re trembling,
Your soul curses its shackles,
On the verge of pouring out its feelings...
You’ve no power, no words,
You merely stare out in silence!

It is both sweet and painful,
And the mad fears have dissipated,
And your heart feels calm and open...
Words could now flow easily,
It is sweet, it is painful,
But no one is there to listen.
It is sweet, it is painful,
It is sweet, it is painful.

Texts and Translations

“At the ball,” op. 38, no. 3

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by COUNT ALEKSEI KONSTANTINOVICH TOLSTOY (1817-1875)

Sung by Alexey Lavrov

“Средь шумного бала”

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдалённой свирели,
Как моря [играющий]1 вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный, и звонкий,
С тех пор в моём сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь,

И грустно я, грустно так засыпаю,
И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя, я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

“At the ball”

By mere chance,
During the anxious bustle of life,
I caught sight of you—
But some secret clouded your features.

Only your eyes betrayed sadness in their gaze.
The wondrous sound of your voice
Reminded me of a far-off flute,
Like the playful waves of the sea.

I was entranced by your trim figure
And your pensive manner;
Your laugh, at once sad and merry,
Still rings in my heart.

Sometimes when I am weary late at night,
I lie down to rest,
And I see your sad eyes,
And hear your light-hearted conversation...

And wistfully I drift into sleep
And mysterious dreams,
I do not know whether I love you,
But it seems to me that I do.

Texts and Translations

“None but the lonely heart,” op. 6, no. 6 (1869)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Russian translation by LEV ALEKSANDROVICH MEI (1822-1862)

Of the poem by JOHANN WOLFGANG VON GOETHE (1749-1832)

Sung by Alexey Lavrov

“Нет, только тот, кто знал”

Нет, только тот,
кто знал свиданья, жажду,
поймёт, как я страдал
и как я стражду.
Гляжу я вдаль...
нет сил, тускнеет око...

Ах, кто меня любил
и знал - далеко!
Ах, только тот,
кто знал свиданья жажду,
поймёт, как я страдал
и как я стражду.
Вся грудь горит...

“None but the lonely heart”

Only he who has known
A thirst for passion
Would understand what I've suffered
And how painfully I yearn for my ideal.
I gaze into the distance...everything is indistinct,
My sight grows dim...

Ah! How far away is the one
Who loved me, knew me!
Only he who has known
A thirst for passion
Would understand what I've suffered
And how painfully I yearn for my ideal.
My heart is aflame...

Texts and Translations

“It was in the early spring” *op. 38, no. 2 (1878)*

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by COUNT ALEKSEI KONSTANTINOVICH TOLSTOY (1817-1875)

Sung by Antonina Chehovska

“То было раннею весной”

То было раннею весной,
трава едва всходила,
ручьи текли, не парил зной,
и зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
ещё не пела звонок,
и в завитках ещё в бору,
был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
в тени берёз то было,
когда с улыбкой предо мной
ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ
ты опустила вежды!
О жизнь! о, лес! о, солнца свет!
О, юность! о, надежды!

И плакал я перед тобой,
на лик твой глядя милый;
то было раннею весной,
в тени берёз то было!

То было в утро наших лет!
О, счастье! о слёзы!
о, лес! о, жизнь! о, солнца свет!
О, свежий дух берёзы!

“It was in the early spring”

It was in the early spring,
The grass was just beginning to grow,
The streams flowed, the weather was warm,
The woods were just beginning to leaf out;

It was in the morning, too early
For the sound of the shepherd's horn,
And among the pine trees, the first slender ferns
Were still curled tightly.

It was in the early spring
In the shade of the birch tree
When, standing before me with a smile,
You lowered your eyes...

That was your answer to my love,
Your lowered glance—
O life! O forest! O sunlight!
O youth! O hopes!

And I wept in front of you,
Looking at your cherished face,
It was in the early spring,
In the shade of the birch tree!

It was in the morning of our years—
O happiness! O tears!
O forest! O life! O sunlight!
O fresh scent of the birch!

Texts and Translations

Tchaikovsky's Colleagues

"Zuleika," op. 34, no. 1 (1854)

ANTON GRIGOREVICH RUBINSTEIN (1829-1894)

Russian translation by PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Of a German poem by FRIEDRICH MARTIN VON BODENSTEDT (1819-1892)

Based on an Azerbaijani poem by MIRZE SAFI VAZEH (1794-1852)

Sung by Antonina Chehovska

"Зулейка"

Ах, сравню ль тебя с небесным ангелом
или с розой, царицей цветов полей,
или даже с светом ярким солнечным,
о нет, моя дева Зулейка, нет!

Страсти бурной нет в груди у ангела,
а за розой шипы укрываются,
солнца яркого не видать в ночи,
с тобою, Зулейка, сравниться ль им!

Лучше, краше ты небесных ангелов,
за тобою шипы не скрываются,
ярче солнца светится любовь твоя,
Зулейка моя несравненная!

"Zuleika"

Neither with angels in the heavens' blue vault,
Nor with roses on the fragrant, flowery steppe
Nor even with the eternal light of the sun
Do I compare you, my sweet girl!

For the angel's breast is empty of love,
Under the rose blossom lurks the thorn,
And the sun hides her light at night—
None of them compare to Zuleika.

Throughout the wide compass of the universe,
My eyes can find nothing to equal my Zuleika!
Beautiful, thornless, filled with the eternal glow of love!
Zuleika lines each day with gold!

"All is quiet in the enchanting night," op. 45, no. 1 (1899)

ANTON STEPANOVICH ARENSKY (1861-1906)

Poem by Я. SEVERSKY

Sung by Alexey Lavrov and Antonina Chehovska

"Тихо всё среди чарующей ночи"

Тихо всё среди чарующей ночи,
мир покоем и негой объят,
только звёзды, как ясные очи,
на заснувшую землю глядят.

Да веселая песнь раздаётся
где-то там, за горой, в далеке.
Песнь широкой волною несётся
по туманом покрытой земле...

"All is quiet in the enchanting night"

All is quiet in the enchanting night.
The world is embraced in peace and bliss.
Only the stars, shining like bright eyes,
Watch the sleeping world.

Yes, a cheerful song resounds
Somewhere far off, there, behind the mountain,
The song is carried on a magical wave
Through the fog that blankets the earth.

Texts and Translations

“Restless heart,” op. 17, no. 9

SERGEI IVANOVICH TANEYEV (1856-1915)

Poem by NIKOLAI ALEKSEYEVICH NEKRASOV (1821-1878)

Sung by Alexey Lavrov

“Сердце беспокойное”

Бьётся сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней спутницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову её, желанную,
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь.

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса.

“Restless heart”

The restless heart beats,
Vision becomes clouded.
A sudden, lustful passion
Has flown in like a storm.

I remember the beautiful eyes
Of my distant love,
I repeat the passionate verses
That I once wrote for her.

I call out to her: my beloved,
Let us fly off once more
To that far-off dreamland
Where love made us one.

There, roses are sweeter-scented,
There, skies are bluer,
There, nightingales sing more melodiously,
And forests are denser.

Texts and Translations

Tchaikovsky's Women

Alexandra Andreyevna, his mother:

“Lullaby,” op. 16, no. 1 (1872)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by APOLLON NIKOLAYEVICH MAYKOV (1821-1897)

Sung by Antonina Chehovska

“Колыбельная песня”

Спи, дитя моё, спи, усни! спи, усни!!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой:
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Спрашивала ветра мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

Спи, дитя моё, спи, усни! спи, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

“Lullaby”

Sleep, my child, sleep, hushaby,
Let yourself sink into sweet dreams.
I have called upon the wind, the sun,
and the eagle as your nannies.

The eagle flew off to its home,
the sun hid under the water;
The wind after three nights
rushed away to its mother.

The mother asked the wind:
“Where did you disappear?
Were you battling the stars,
or chasing after waves?”

“I was not chasing the waves of the sea,
nor touching the golden stars.
I was guarding a child,
rocking its cradle.” Sleep, my child...

Sleep, my child, sleep, hushaby,
Let yourself sink into sweet dreams.
I have called upon the wind, the sun,
and the eagle as your nannies.

Texts and Translations

Desirée Artôt, a woman he considered marrying:

“Les larmes,” op. 65, no. 5 (1888)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by AUGUSTINE-MALVINA SOUVILLE BLANCHECOTTE (1830-1878)

Sung by Alexey Lavrov

“Les larmes”

Si vous donnez le calme après tant de secousses,
Si vous couvrez d'oubli tant de maux dérobés,
Si vous lavez ma plaie et si vous êtes douces,
O mes larmes, tombez! tombez!
Mais, si comme autrefois vous êtes meurtrières,
Si vous rongez un coeur qui déjà brûle en soi,
N'ajoutez pas au mal, respectez mes paupières:
O larmes, laissez moi, laissez moi!
Oui, laissez moi! je sens ma peine plus cuisante,
Vous avez évoqué tous mes rêves perdus:
Pitié! pitié! pitié!
Laissez mourir mon âme agonisante!
Larmes, ne tombez pas! ne tombez pas!

“The tears”

If you bestow calm after so much upset,
If you cover so many hidden evils with forgetfulness,
If you cleanse my wound and if you are gentle,
Oh my tears—fall, fall!
But if, as in the past, you are murderous,
If you eat away at a heart already burning from within,
Do not add to the pain, spare my eyelids:
Oh tears, leave me, leave me!
Yes, leave me! I feel the sting of my pain more acutely,
You have evoked all of my lost dreams:
Have pity—have pity—have pity!
Allow my agonizing soul to die!
Tears, do not fall—do not fall!

Antonina Miliukova, his wife:

Onegin's aria from Act I of Eugene Onegin

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Libretto arranged from the novel in verse by ALEKSANDR SERGEYEVICH PUSHKIN (1799-1837)
by KONSTANTIN SHILOVSKY (1849-1893) and by TCHAIKOVSKY

Sung by Alexey Lavrov

**“Вы мне писали ... Когда бы жизнь
домашним кругом”**

Вы мне писали, не отпирайтесь,
Я прочёл души доверчивой признанья,
Любви невинной излиянья.
Мне Ваша искренность мила,
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства.
Но Вас хвалить я не хочу,
Я за неё Вам отплачу
Признаньем, так же без искусства,
Примите ж исповедь мою,
Себя на суд Вам отдаю.

**“You've written to me ... If I wished to limit my
life to the confines of a family”**

You've written to me—don't deny it.
I have read the trusting confession of a guileless soul,
Your gushing avowal of love.
It was sweet of you
to be so unguarded.
It aroused feelings long since buried in me.
But I cannot not praise you for it,
I shall repay you in kind
With an equally plain-spoken admission.
Then hear my confession!
I submit myself to your judgment.

Texts and Translations

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел,
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел,
То, верно, кроме Вас одной
Невесты не искал иной.

Но я не создан для блаженства,
Ему чужда душа моя,
Напрасны Ваши совершенства,
Их не достоин вовсе я.
Поверьте, совесть в том порукой,
Супружество нам будет мукой,
Я сколько ни любил бы Вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас.
Судите ж вы какие розы
Нам заготовит Гименей
Иль может быть на много дней.

Мечтам и годам нет возврата,
Ах, нет возврата,
Не обновлю души моей,
Я Вас люблю любовью брата,
Любовью брата
Иль, может быть, ещё нежней.
Иль, может быть, иль, может быть,
Ещё, ещё нежней.
Послушайте ж меня без гнева,
Сменит не раз младая дева
Мечтами, мечтами легкие мечты.

If I wished to limit my life
to the confines of a family,
And if I had been lucky enough
to be a husband or a father,
Then truly I would not look
for any other wife than you.

But I was not made for this kind of bliss,
it is alien to my soul,
Your qualities are wasted on me,
I do not deserve them!
Believe me, I give you my word,
marriage between us would be torture.
No matter how much I loved you,
everyday life would destroy that love.
Judge for yourself what a thorny bed of roses
the god of marriage would have in store for us,
Perhaps, for all the days to come!

One cannot return to dreams and youth,
Oh! There is no return!
I cannot revive my soul!
I love you with a brother's love,
Brotherly love,
Or perhaps even more tenderly!
Perhaps, maybe,
Yet more gently.
Listen to me without getting angry:
A young girl is prone to exchange
one passing fancy in favor of another.

Texts and Translations

Nadezhda von Meck, his patroness:

“Does the day reign?” op. 47, no. 6 (1880)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by ALEKSEY NIKOLAYEVICH APUKHTIN (1840-1893)

Sung by Antonina Chehovska

“День ли царит”

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли бессвязных,
в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна роковая,
 Всё о тебе!

С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Всё, что в душе дорогого, святого,
 Всё от тебя!

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя!
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы,
 Всё для тебя!

“Does the day reign?”

Whether the day reigns or the still night,
Whether in my disordered dreams
or in the struggles of everyday life,
Everywhere I go, I am filled entirely
With one constant, inexorable thought:
 you, you, always you!

The specters of the past do not frighten me,
My heart, strengthened, soars with love once again...
Faith, dreams, inspiration,
All that is dear and sacred to my soul—
 all come from you!

Whether my days are bright or filled with sadness,
Whether I am to vanish soon, my life in ruins,
I am sure of one thing: that unto the very grave
All my thoughts, my feelings, my songs, my powers—
 all are for you!

Tchaikovsky's Last Days

“Forgive!” op. 60, no. 8

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by NIKOLAI ALEKSEYEVICH NEKRASOV (1821-1878)

Sung by Antonina Chehovska

“Прости!”

Прости! не помни дней паденья,
Тоски унынья, озлобленья,
Не помни бурь, не помни слёз,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково восходило
И бодро мы свершали путь,
Благослови и не забудь!

“Forgive!”

Forgive! Banish from your memory the days of dejection,
Of anguish, of depression, of ill-will,
Forget the outbursts, the tears,
The jealous threats.

But those days when love's sun
Rose over us tenderly
And we strode confidently ahead—
Bless them, and do not forget them!

Texts and Translations

“A tear trembles,” *op. 6, no. 4 (1869)*

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by COUNT ALEKSEI KONSTANTINOVICH TOLSTOY (1817-1875)

Sung by Alexey Lavrov

“Слеза дрожит”

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...
О, не грусти, ты всё мне дорога!
Но я любить могу лишь на просторе,
мою любовь, широкую, как море,
вместить не могу, нет!
вместить не могут жизни берега.

О, не грусти, мой друг, земное минет горе,
пожди ещё, неволя недолга.
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
в одну любовь, широкую, как море,
что не вместят, нет! что не вместят земные берега.

“A tear trembles”

A tear trembles in your jealous eyes—
Oh, don't be sad, you remain dear to me.
But my love needs to roam free,
My love is as broad as the sea,
And cannot be confined, no!
Cannot be confined to the shores of life.

Oh, do not grieve, my friend. Earthly woes will pass.
Be patient, our bondage does not last long.
Soon we shall all merge into one love,
Into one love as wide as the sea
Which will not be contained—no—within Earth's shores.

“Fall asleep,” *op. 57, no 4 (1884)*

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by DMITRI SERGEYEVICH MEREZHKOVSKY (1865-1941)

Sung by Antonina Chehovska

“Усни!”

Уснуть бы мне навек в траве, как в колыбели,
как я ребёнком спал в те солнечные дни,
когда в лучах полуденных звенели
веселых жаворонков трели и пели мне они:
“Усни, усни, усни.”

И крылья пестрых мух с причудливой
окраской на венчиках цветов дрожали,
как огни,
и шум деревьев казался чудной сказкой;
мой сон лелея, с тихой лаской баюкали они:
“Усни, усни, усни.”

И убегая вдаль, как волны золотые,
давали мне приют в задумчивой тени,
под кущей верб, поля мои, поля родные;
склонив колосья наливные, шептали мне они:
“Усни, усни, усни.”

“Fall asleep”

To fall asleep forever in the grass, as if in a cradle,
The way I slept in those sunny days of childhood
When in the bright rays of noonday sun
The happy trills of larks resounded and they sang to me,
“Sleep, sleep, sleep!”

And the iridescent wings of colorful insects
Trembled liked flames on the petals of flowers
And the rustling of trees sounded like wondrous
fairy tales,
Inviting me to dream, lulling me with quiet tenderness,
“Sleep, sleep, sleep!”

And fleeing into the distance like golden waves
They offered me shelter in the pensive shadows
Under a crest of willows, near my beloved fields.
Lowering their ripe ears of grain over me, they whispered,
“Sleep, sleep, sleep...”

Texts and Translations

“Again, as before, I am alone,” op. 73, no. 6 (1893)

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840-1893)

Poem by DANIL MAXIMOVICH RATGAUZ (1867-1937)

Sung by Alexey Lavrov

“Снова, как прежде, один”

Снова, как прежде, один,
Снова объят я тоской
Смотрится тополь в окно,
Весь озарённый луной
Смотрится тополь в окно
Шепчут о чем то листы
В звездах горят небеса
Где теперь, милая, ты?

Всё, что творится со мной,
Я передать не берусь.
Друг! помолись за меня,
Я за тебя уж молюсь!

“Again, as before, I am alone”

Again, as before, I am alone.
Once more I am filled with deep sadness.
A poplar is standing outside the window
Bathed in moonlight.
A poplar is standing outside the window,
Its leaves whispering of something.
The sky is filled with burning stars...
Where, my beloved, are you now?

I cannot describe to you
All that is happening within me...
My friend, please pray to God for me,
As I am praying for you.

